

КОНТРРАЗВЕДКА

РОМАНЫ О СЕКРЕТНОЙ ВОЙНЕ СССР

Валерий ШАРАПОВ

ТОННЕЛЬ БЕЗ СВЕТА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Тоннель без света / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Контрразведка. Романы о секретной войне СССР).

ISBN 978-5-04-194610-4

От советской резидентуры на Западе поступает сигнал об утечке данных из закрытого НИИ, ведущего разработки в области микробиологии и вирусологии. Группе майора КГБ Михаила Кольцова поручено выявить и обезвредить «крота». Оперативники убеждаются, что формально все инструкции по охране государственной тайны на предприятии соблюдаются. Тогда каким образом шпиону удастся передавать информацию? Наконец майор находит серьезную зацепку. Чтобы убедиться, что это и есть тот самый канал, Кольцов ставит на кон собственную жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194610-4

© Шарапов В., 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПРОЛОГ

4 сентября 1981 г.

Мелодичный звонок вывел человека из оцепенения. Он оторвал взгляд от прохудившегося крана, из которого непрерывно капало, машинально глянул на часы. Звонок повторился. Он слез с табурета, вышел из кухни, совмещенной со столовой. На улице пекло, пестрели цветы, произрастающие в этой части света почти круглый год. До калитки в воротах было несколько шагов. Поколебавшись, он спустился с крыльца, проделал недолгий путь.

Мужчине было лет пятьдесят, он коротко стригся, носил мятые домашние брюки, полосатую рубашку навывпуск.

Воздух был свеж, несмотря на жару, но дышалось в этот день неважно. Он снова поколебался, но все же открыл калитку. За порогом зевал какой-то волосатик в форменной кепке и рабочем комбинезоне. С плеча свисала объемистая сумка. К кромке тротуара за спиной пришельца прижался подержан-

ный минивэн с номерными знаками округа Джамбрия. При виде хозяина волосатик перестал зевать, лучезарно улыбнулся. Заблестели белоснежные зубы. Он был смугл, как и большинство итальянцев. Бриться, стричься и причесываться он явно не любил, хотя и представлял популярную коммерческую организацию. Верхнюю часть комбинезона украшала надпись, выполненная трафаретом: Bianchezza.

— Добрый день, синьор, — приподнял козырек кепки пришелец. — Это вы оставляли заявку по поводу неисправной сантехники?

— Надо же, вы так быстро, — пробормотал жилец, освобождая проход. Сдержать облегченный вздох не удалось.

— Да, синьор, мы стараемся угодить нашим клиентам и все делаем быстро и качественно, — поведал работник сантехнической фирмы, проходя во двор. — Такова политика нашего директора, мы ответственно подходим ко всем вопросам и непрерывно расширяем ассортимент услуг. У вас уютно, синьор, — похвалил мастер, оглядывая зеленый двор небольшого двухэтажного особняка.

— Спасибо, — буркнул хозяин, запирая калитку. — Проходите на кухню, там течет.

Насвистывая, специалист двинулся к крыльцу, взбежал по ступеням и вытер ноги о коврик. Ситуация пояснений не требовала: капли звонко разбива-

лись об эмалированную поверхность раковины. Мастер снял с плеча сумку, поставил на пол. Он немного вкрадчиво приблизился к раковине, осмотрел поврежденное устройство, покачал головой. В карих глазах блеснул задорный огонек.

— Надеюсь, ничего неизлечимого? — проворчал хозяин. — Вы же справитесь?

— О, не сомневайтесь, синьор, именно для этого мы и существуем, — представитель фирмы устремил на хозяина насмешливый взгляд. — Вопрос позволите, синьор? Хочу приобрести дом по соседству с вашим. Здесь такие живописные виды. Я слышал, ваши соседи уезжают в Лигурию? Непонятно — зачем, но они ведь продают свой дом?

Действительно, зачем из Тосканы переезжать в Лигурию? То же море, только в профиль.

Хозяин словно подавился, закашлялся. На пару мгновений он вдруг сделался беспомощным. Но взял себя в руки, выдохнул:

— Вот черт... Что же вы сразу не сказали?

— А сразу о таких вещах не говорят. Это неприлично, — пришелец продолжал светиться располагающей улыбкой, но смотрел уже придиричиво, цепко. — Здесь безопасно?

— Да, конечно, можете не сомневаться, в моем доме нет подслушивающих устройств, — хозяин усердно изображал спокойствие, но это ему плохо удавалось.

— Не надо волноваться, добрый человек, — специалист перешел на русский язык — явно родной для него, невзирая на южную внешность. — Вы смотрите с таким испугом, словно я пришел вас убить. Это не так, успокойтесь. Куриц, несущих золотые яйца, как правило, не убивают — уж простите за грубость и цинизм. Зовите меня Робертом. Или Роберто — с учетом текущих географических координат. Не стойте истуканом, синьор. Идите к телефону и снимайте заказ. Скажите, что сами отрастили руки. Не хватало нам еще кого-то третьего.

— Но подождите... — с переходом на новую волну были большие проблемы, — кран ведь на самом деле протекает...

— Эх, Семен Семенович, — покачал головой гость, — или как вас там... Дмитрий Олегович. Что делает с людьми загнивающий Запад. На родине вы бы тоже стали вызывать сантехника из-за такой ерунды? Отключаете вот этим вентилем центральную подачу воды, снимаете вот эту гайку, меняете прокладку на ту, которую я вам оставляю... Время идет, Дмитрий Олегович. Не отнимайте его у людей, занятых делом. И не тяните с починкой. По старинному русскому поверью, вместе с водой из дома утекают деньги.

Хозяин удалился в соседнюю комнату, снял трубку. Говорил приглушенно, но слова различались. «Мастер» слушал, одновременно изучал взгля-

ТОННЕЛЬ БЕЗ СВЕТА

дом предметы обстановки. Жилец вернулся, стал нерешительно мяться.

— Все в порядке, Дмитрий Олегович? Итальянцы обрадовались, что не нужно ехать? Где мы можем поговорить?

— Пройдемте наверх, — хозяин показал на лестницу.

Наверху была терраса с видом на море. Три стены — закрытые, с четвертой стороны открывался восхитительный вид на море. Береговая линия началась метрах в трехстах. По небу плыли всклокоченные «барашки». На море властвовал штиль, вода переливалась всеми оттенками бирюзы, белел одинокий парус. В прибрежной зоне росли оливковые деревья, цветущие кустарники, акации. Разбегались аллеи, вымощенные желтой плиткой. Время неурочное — отдыхающих в парке не было.

На террасе стояли шезлонги, раскладной столик. В углу уютился застекленный холодильник.

— Присаживайтесь, Роберт. Выпьете?

— Воды, если не сложно. На работе, знаете ли.

— На какой? — проворчал хозяин, вынимая бутылку колы и стеклянные стаканы на ножках.

— Смелеете, — хмыкнул визитер. — Правильно, к черту эту скованность.

Роберт открыл бутылку, проследил, как хозяин, вытянув руку, включает долговязый вентилятор на треноге. Пространство наполнилось утробным гудением.

Пару минут сохранялось молчание. Обстановка расслабляла, взывала к ничегонеделанию! Мужчины тянули прохладную газировку. С правой стороны доносились неприличные звуки. Соседи занимались продолжением рода, никого при этом не стесняясь. Роберт вопросительно уставился на хозяина, тот смутился.

— Молодая пара, Лучано и Мирабель, недавно поженились — все никак успокоиться не могут. Девушка постоянно ходит голой — мало того что по дому, так еще и по двору.

— Нечего надеть? — оживился Роберт. — Бывает, коллега, сексуальная революция еще не отгремела. Один живете?

— Да приходит одна... — Дмитрий Олегович не стал смущаться, — хорошая женщина из соседнего квартала. Лаурой зовут, она вдова, познакомились в магазине несколько недель назад.

— Надеюсь, она не из тех, кто развешивает по дому подслушивающие устройства?

— Точно не из тех, — Дмитрий Олегович решительно покачал головой. — Можете поверить, я разбираюсь в людях. На эту террасу она точно не поднималась. Дальше кухни и спальни мы не уходим...

— А вы шалун, Дмитрий Олегович, — похвалил Роберт. — Есть еще порох... Впрочем, какие ваши годы.

Он залпом осушил стакан, поставил на стол. Соседи справа утолили плотский голод, теперь ругались. Слова различались плохо. Слева завелась газонок-

ТОННЕЛЬ БЕЗ СВЕТА

силка — мотор работал неровно, с перестуком. Дмитрий Олегович поморщился.

— Бывший священник. Не курит, не пьет, женщин не водит — боится согрешить.

— Нам бы его проблемы, верно? — засмеялся Роберт. — Так в чем же дело, любезный? Время идет, я не могу часами ковыряться в вашем кране. Это вы попросили о встрече — не мы. А теперь бледнеете, словно я уже глушитель на ствол наворачиваю. Есть полезная информация?

— Мне кажется, за мной следят... — мужчина стиснул подлокотники шезлонга. Посерела обвисшая кожа на подбородке. — Это длится уже не меньше недели... Сначала я грешил на паранойю, убеждал себя, что это только кажется... Но вчера мужчина в кафе смотрел мне в спину — я видел его в зеркале... Затем на выезде со стоянки засек двоих в штатском — они пялились мне вслед, а потом один из них достал что-то похожее на рацию... Я постоянно на нервах. Настроения, сами понимаете, никакого...

— Сочувствую, Дмитрий Олегович, тоска в вашей Тоскане, — хмыкнул Роберт. — Зато тепло, жизнь размеренная — вы же этого хотели после завершения основной, так сказать, фазы вашей профессиональной деятельности? Опять же Средиземное море в зоне пешей доступности.

— Лигурийское, — машинально поправил «отставной» шпион.

— Не вижу разницы. Лигурийское, Ионическое, Тирренское, Адриатическое... Одна большая лужа под названием Средиземное море.

— Послушайте, я серьезно, — вспыхнул мужчина. — В конце концов, в данный момент я работаю именно на вас.

Ему не казалось. То, что за «клиентом» следят, Роберт почувствовал еще на подъезде к дому. Атмосфера — так себе. В переулке стояла машина с номерными знаками полицейского департамента. У парней из Службы военной информации и безопасности — ни ума, ни фантазии. Могли бы гражданские номера повесить — кто им запретит? В машине находился только водитель. Час сиесты, а он не спал — тоже подозрительное явление. По аллее вдоль дома прохаживался характерный тип, на работника сантехнической фирмы внимания не обратил. Подобную публику — дворников, сантехников, официантов — здесь не замечают. Похоже, трудности Дмитрия Олеговича переставали быть временными. Все шло к логическому завершению. Жалко ли его? Пока непонятно. Впрочем, в плане потери источника информации — конечно, жалко...

— Комитет за вами не следит, в этом нет смысла. Да и не настолько мы всемогущие.

— Догадываюсь... Я могу попросить защиты у вашей организации? — двойной агент облизнул пересохшие губы.

— Попросить можете, Дмитрий Олегович... — Роберт задумался. — Но вы не по этой причине просили о встрече, так ведь? У вас имеется что-то важное — уверен, это не ложная информация. Вы способны отличить фальшивку от достоверных сведений. Итак, я вас слушаю. А потом мы подумаем, сможем ли для вас что-то сделать. Если информация достойная, то, по крайней мере, попытаемся — вы в курсе наших возможностей в данном регионе. Устраивает ответ? Итак, вы запросили встречу — мы здесь.

С губ уже слетала шутка про 38 фикусов на окне, но Роберт ее проглотил. Он украдкой наблюдал за собеседником. Миром правит информация, и Дмитрий Олегович это прекрасно понимал. Ради информации совершались убийства, выбрасывались крупные денежные суммы; предатели, заслужившие пулю в затылок, оставались на свободе и жили припеваючи — всего лишь во имя этой проклятой информации.

Десять лет назад Дмитрий Олегович Ветринский числился в штате заместителя министра торговли СССР, занимался внешними сношениями. В составе делегации посетил Францию, где познакомился с неким Жаком Шулье — директором фирмы, производящей электронику, а заодно тайным сотрудником французской контрразведки DST. Возможно, Ветринский и не был инициатором знакомства, это уже не важно. Вербовали французы с тем же изысканием, с каким пили вино и кадрили женщин. Но в случае

с Ветринским произошла заминка. По пьяному делу Дмитрий Олегович сбил человека, страшно испугался. Разбирательств в посольстве не хотелось, обратился за помощью к новому знакомому. Инцидент, возможно, подстроили. Шулье помог своему приятелю, полиция замяла дело. Увы, командировка закончилась, Ветринский вернулся в Союз, и вербовка толком не состоялась.

Через несколько лет Шулье по «делам фирмы» прибыл в СССР и сразу поспешил к своему подзабытому другу. Ветринский к тому времени работал в Управлении «Т» 1-го Главного управления КГБ и отнюдь не обрадовался появлению друга из прошлого. Шулье напомнил, что Ветринскому есть что скрывать. Грешок был незначительный, тюрьмой (тем более в СССР) не грозил, но Дмитрий Олегович согласился сотрудничать.

По долгу службы он занимался анализом научно-технической информации, поступающей из-за рубежа. За три года, прежде чем его взяли, агент с псевдонимом «Прощальный» передал на Запад сотни секретных документов; по его вине провалились десятки офицеров, выполняющих свой долг за рубежом. Большинство из них числились дипломатами и отделались высылкой. Но ущерб был ощутим.

Ветринский также сдавал разведчиков, занимавшихся сбором технической информации. Судить и воздавать по заслугам не стали — перевербовали

(в качестве аргументов использовались члены семьи). Какое-то время он работал на Комитет в Союзе, сливая данные, которые ему предоставляли. Потом разработали красивую операцию: снабдили «архиважными» материалами, имея на руках которые, Ветринский потребовал у западных кураторов вывезти его за рубеж. Кураторы клюнули и разработали план эвакуации своего «крота». Для убедительности чекисты затеяли погоню, но на финской границе вдруг ослепли, оглохли и поглупели. Перебежчик просочился сквозь пальцы.

Какое-то время двойной агент был нарасхват, даже оказался в штате британской МИ-6. Впрочем, синекура не затянулась. Ветринский переехал в Марсель, оттуда — в городок Беруджио в Тоскане (не путать с Перуджей в Умбрии), где в качестве благодарности за труды получил домик у моря. Периодически к нему обращались специалисты из французского DST — Управления территориального наблюдения и внутренней разведки; из итальянской SISMI — Службы военной информации и безопасности. Границы сотрудничества Ветринскому обрисовывал Комитет, иногда он же подбрасывал документы — липовые или утратившие секретность. Он добывал полезную информацию у своих хозяев и переправлял ее в Москву. Выборочные проверки доказывали, что сведения не ложные. А многие из них — реально важные.

Ветринский по-прежнему имел вес и связи. Псевдоним его отныне был другим — «Листопад». Но долго веревочка виться не могла — умные люди это понимали. Рано или поздно западные кураторы должны были начать что-то подозревать. И, похоже, это случилось...

— Информация получена от представителей итальянской и французской спецслужб, — поджав губы, сообщил Ветринский. — Они ссылаются на британскую МИ-6. Информация достоверная, я ее проверил и перепроверил. На вашем предприятии «Оникс» в уральской Кыжме, где производят биологическое оружие, серьезная утечка.

— В Советском Союзе не производят биологическое оружие, — Роберт подавил зевоту, прикрыв ладонью рот.

— Перестаньте, — поморщился Ветринский. — Вы еще скажите, что СССР подписал конвенцию 72-го года о запрете производства биологического оружия.

— Подписал, — согласился Роберт.

— А толку? Все подписали. Но это не мешает заниматься дальнейшими разработками всем противоборствующим сторонам. Советский Союз это делает, потому что США не унимаются, Запад — чтобы не отстать от СССР. И хрен это остановишь, пока у всех сторон не появится желание. Производят так, словно все земное население извести собрались. Запасы био-

агентов уже складировать негде. Оспа, тиф, геморрагические лихорадки, всевозможные токсины, вирусы, возбудители инфекций. Успокоиться не могут, постоянно выдумывают что-то новое — фундаментальные исследования, прикладные... И все под видом гражданских биотехнологических исследований. Что есть, то есть, Роберт. Но я не об этом. Повторяю, у вас серьезная утечка в Кызме. «Оникс» — лаборатория эпидемиологии и гигиены, филиал Всесоюзного научно-производственного объединения «Биопрепарат». Объект значимый, спрятали его основательно, в Уральские горы. Но шпионы уже там, поверьте моему слову. Казалось бы, не повод для паники, весь Союз наводнен агентами западных разведок, но «Оникс» стоит особняком. Там серьезная научная и производственная база, и слово «лаборатория» не должно никого сбивать с толку. Именно там теоретические изыскания находят практическое воплощение. Именно оттуда выходит продукция двойного назначения. Проще говоря, на «Ониксе» создают боевые вирусы — и аналога данного производства в мире нет. В Кызму стекаются все разработки — там их доводят до ума, шлифуют. Материалы, продукция — под грифом «совершенно секретно». Рискну заявить, что именно там — сердце советской микробиологической промышленности. А теперь представьте, что с объекта больше года утекает секретная информация. Я бы сказал, ключевая информация, квинтэс-

сенция всего научно-производственного процесса. Это делает бессмысленным труд, в который вложено столько усилий и средств. Бесценные разработки, все, что придумали умные головы, просто присваивается хитроумными шпионами!

— Вы не склонны к излишнему драматизму, Дмитрий Олегович? В принципе понимаю ваше стремление сгустить краски — вам ведь нужна защита.

— Нужна, — признался Ветринский. — И поэтому дарю вам «бомбу». Это не сгущение красок, это катастрофа. Допускаю, вы не в теме. Поговорите со знающими людьми — они поймут. Пока еще можно что-то предпринять, но я уверен, недалек тот день, когда все достижения в области вирусологии полетят на свалку. Нивелируется работа целой отрасли... Оставьте свой скепсис, Роберт, — рассердился Ветринский, — просто передайте информацию вашим властям. «Разбудите» бойцов Управления «Т», сидящих за рубежом, — уверен, уже есть разработки, заимствованные у ваших умельцев...

— Ну, хорошо, — допустил Роберт, — вы ручаетесь за достоверность информации...

— Я верю своим источникам. У вас большие проблемы. Я прошу защиты, неужели я стал бы подбрасывать вам «липу»? Вы передадите руководству мою просьбу?

— Да, несомненно... — Роберт явно думал о другом. — Есть подробности, Дмитрий Олегович? Кы-

жма — небольшой городок к северу от крупного областного центра — километрах в пятнадцати-двадцати. Помимо «Оникса» там функционируют другие закрытые предприятия. Иностранцев в Кыжму не пускают. Но областной центр — миллионный город, в нем действует британское консульство. По модулю — рассадник шпионов, и далеко не все они — британцы. Мы имеем дело с «кротом» внутри предприятия, со шпионской группой или в дело вовлечены только работники консульства?

— Не знаю, простите, — Ветринский скорбно поджал губы. — Надо выяснять, проводить расследование. Безусловно, это шпионская группа, но подробности мне неизвестны. Канал утечки устойчивый, действует длительное время. Думаю, это что-то нестандартное, не без фантазии... Итак, мы заключаем негласный договор, Роберт? — Ветринский подался вперед, он сильно волновался. — Поверьте, я вам делаю роскошный подарок. В «конторе» есть талантливые люди, способные провести расследование... Я готов на переезд, готов отправиться куда угодно, даже в Советский Союз. Согласен отсидеть, если понадобится...

— Перестаньте, — Роберт поморщился. — Сами себя слышите? Хорошо, Дмитрий Олегович, если информация подтвердится, мы рассмотрим вашу просьбу. Продержитесь несколько дней? — в глазах советского разведчика зажегся ироничный огонек.

— Можно подумать, я имею выбор. Все сказанное — чистая правда, не тратьте время на проверку информации. Это в моих интересах — говорить правду и только правду.

— Я вас понял, Дмитрий Олегович, — Роберт поднялся. — Хорошо у вас, но есть места и получше. Уверен, ничего ужасного с вами не случится. У страха глаза велики.

Он хотел добавить кое-что обидное (но справедливое), но передумал. Ветринский тоже поднялся. Внизу прозвенел звонок. Дмитрий Олегович непроизвольно дернулся. Роберт поморщился:

— Ждете кого-то?

— Вроде нет... — хозяин дома неуверенно повел плечами. — В фирму я позвонил, заказ отменил... Вот черт! — он хлопнул себя по лбу и облегченно выдохнул: — Это Лаура, она всегда приходит, когда ее не просят... — Ветринский вопросительно уставился на посетителя, словно спрашивал разрешения. Звонок повторился, за ним еще два — короткие, нетерпеливые.

— Открывайте, Дмитрий Олегович, не по-джентльменски это — заставлять девушку ждать. Задержите вашу гостью во дворе хотя бы на пару минут.

Ветринский заспешил вниз. Это действительно был «амурный» визит. От калитки доносились женский щебет, беглая речь. По истечении двух минут Ветринский и его гостя пересекли двор и вошли